

и др. Побывал Л. и на Северном Кавказе, где изучал сложные межнациональные взаимоотношения, жизненный уклад и поэтические сказания живущих там народов. Результатом этого явилась повесть Л. «**Баташ и Батай**» (1939), ставшая впоследствии первой частью романа «**Горы и люди**» (1947).

Во время войны Л. был сотрудником военных газ. и писал очерки и рассказы: «**Хозяйка**», «**Живой Сталинград**» (1943) и др., а также повести «**Гвардейцы**» (1942) и «**Пушка Югова**» (1944). В конце 1940-х Л. продолжал изучение истории и эпоса Кавказа, переводил произведения осетинских и азербайджанских поэтов, завершил трилогию «Горы и люди».

Затем Л. вернулся к теме революции и Гражданской войны. Он написал роман «**Зарево**» (1952) — о революционном движении на Кавказе в 1913–14, роман «**Утро Советов**» (1957) — об Октябре 1917, повесть «**Поездка в Крым**» (1957) — о комсомольцах первых лет революции. Последние годы жизни Л. посвятил книгам воспоминаний. Это были «**Коммунисты**» (1957), «**Современники**» (1958), а также «**Воспитание души**» и «**Связь времен**», вышедшие уже посмертно в 1962. Так же посмертно была опубликована и последняя повесть Л. «**Дела семейные**» (1963).

Соч.: Избранные произведения: в 2 т. М., 1958; Автобиография // Советские писатели. Автобиографии: в 2 т. М., 1959. Т. 1. С. 667–682; Воспоминания. Повести. Рассказы. М., 1963; Избранные произведения: в 2 т. / сост. и вступ. статья Л. Б. Либединской. М., 1980.

Лит.: Николаев Н. В. Книга Ю. Н. Либединского «Современники» // Вopr. русской лит-ры. Львов, 1972. Вып. 2(20). С. 43–49; Вейсалов Р. Творчество Ю. Н. Либединского: К проблеме характера в русской советской прозе первой половины 20-х: автореферат канд. дис. М., 1975; Воронский А. К. Искусство видеть мир: Портреты, статьи. М., 1987. С. 13–317; Андреев Ю. А. Революция и лит-ра. М., 1987.

**В. В. Попов**

**ЛИВШИЦ** Бенедикт Константинович (Наумович) [25.12.1886(6.1.1887), Одесса — 21.9.1938, в заключении] — поэт, переводчик, мемуарист.

После окончания Ришельевской гимназии (1897–1905) поступил на юридический ф-т Новороссийского ун-та. Исключенный в 1907 за участие в студенческих демонстрациях, перевелся на тот же ф-т Киевского ун-та (окончил в 1912). Осенью 1912 поступил вольноопределяющимся в 88-й пехотный



Б. К. Лившиц

Петровский полк. Летом 1914 был призван в действующую армию и в составе 148-го Царицынского полка принимал участие в боевых действиях, был ранен, контужен, награжден Георгиевским крестом 4-й степени. С 1915 жил в Киеве, а в 1922 переселился в Петроград.

Стихи начал писать в гимназии, свои первые «серьезные» стихотворные опыты относил к 1905. В 1909 в 4-м томе «Антологии современной поэзии» (Киев) был напечатан стихотворный цикл «Могитиги». В нояб. того же года познакомился с Гумилевым, пригласившим его сотрудничать в «Аполлоне». 3 стих. Л. были напечатаны там в 1910 (№ 11). Тогда же, увлеченный совр. французской живописью крайне левых направлений, Л. испытал ощущение «сдвига миропонимания», необходимости поиска столь же новых путей в поэзии.

В 1911 в Киеве вышла первая книга стихов Л. «**Флейта Марсия**», весьма благосклонно встреченная критикой. В Брюсов отмечил, что «все стихи г. Лившица сделаны искусно: можно сказать, что мастерством стихосложения он владеет вполне» (Брюсов В. СС: В 7 т. М., 1975. Т. 6. С. 368–369). В разряд «истинно ценных», являющихся «не только обещанием, но и достижением», поставил

книгу Н. Гумилев (Гумилев Н. Письма о русской поэзии. Пг., 1923. С. 113). Для Л. в древнегреческом мифе о флейтисте Марсии, бесстрашно вызвавшем на состязание Аполлона и побежденном им, открывался смысл поэтического творчества. Обреченный на унижение и гибель, поэт нес в себе всеобщую боль, ощущение катастрофичности эпохи. Отсюда живший в стихах дух бунтарства, сосредоточенность взгляда на низменных подробностях жизни, вызывающая эротичность: «Я люблю этих хилых измученных пьяниц, / Допивающих нектар последних минут»; «Нас, накрашенных, напудренных, / Безобразит светоч дня»; «Спеша срываешь ты запястья с лодыжек, / И — вся нагая — ждешь, чтоб дикий дух огня / Свой тяжкий поцелуй на нас обоих выжег».

Познакомившись в дек. 1911 с Д. Бурлюком, Л. вскоре входит в состав созданной тем группы кубофутуристов «Гилея», принимает участие в первом публичном выступлении футуристов («Вечер речетворцев») в Москве 13 окт. 1913, печатает свои стихи в футуристических сб. «Садок судей 2» (1913) и «Рыкающий Парнас» (1914), программную статью «**Освобождение слова**» («Дохлая луна», 1913). От навязываемой ему Бурлюком роли теоретика группы Л. отказывался: он не соглашался с термином «футуризм», не подписал открывавший сб. «Пощечина общественному вкусу» (1912) манифест, ему претили «те способности привлечения общественности, к которым прибегал <...> Давид». Разделяя со своими лит. соратниками убежденность в том, что их поэзия, «за исключением отправной точки, не поставляет себя ни в какие отношения к миру, не координируется с ним никак», Л. апеллировал к связываемой с именем Хлебникова теории «самовитого слова», открывавшей возможность возвращения «в первозданный хаос, <...> в зыбкую аморфную субстанцию, еще не налившегося смыслом слова...»

В 1914 вышла книга «**Волчье солнце**» — так в переведенном Л. стих. французского поэта Т. Корбьера «Скверный пейзаж» именовалась луна. Сам поэт назвал ее позднее книгой «скорее общих заданий, чем частных достижений». Опираясь на опыт авангардистской — прежде всего французской — живописи, Л. пытался создать новую поэтическую систему, где ломка синтаксиса, грамматические формы, сложность семантических конструкций — все должно было служить преодолению статичности изображения. Стихи Л. создавались под воздействием совр. русской и французской поэзии, символистской и футуристической, и одновременно под воз-

действием богатейших традиций мировой культуры. Усложненность образного строя порождалась тем, что здесь «слова сочетаются по законам внутреннего сродства, свободно кристаллизуясь по собственным осям, и не ищут согласования с порядком мира внешнего или моего внешнего „я“ — так возникал поэтический аналог эстетики кубизма, где смысловые связи располагающихся на плоскости образов нарушены: слова в стихе, объединяясь, служили выражению не понятий, а эмоциональных значений».

«Волчье солнце», самая футуристическая из книг Л., убеждала в том, что правоверным футуристом ее автор (названный К. Чуковским «эстетом и парнасцем») не был. Объявляя в написанном вместе с Хлебниковым воззвании о полной самостоятельности нового русского искусства, идущего «по пути свободы и чести». Л., выступая на «Вечере о новом слове» (11 февр. 1914), решительно отвергал мысль о связи русского футуризма с итальянским, утверждая, что «Россия — органическая часть Востока», которой негоже «тянуться в хвосте» Европы. К тому же и футуризм, по его мнению, уже доживал последние дни, ибо у футуристов отсутствовала «общая философская основа».

В написанной в 1928 автобиографии Л. охарактеризовал принципы своей поэтики, формировавшиеся в процессе его отхода от футуризма: «Разрежение речевой массы, приведшее будетлян к созданию „заумного языка“, вызывало во мне, в качестве естественного противодействия, желание оперировать словом, концентрированным до последних пределов, орудовать, так сказать, словесными глыбами...» «Тематическим материалом» для реализации замысла поэта стал Петербург, образ которого оказался в центре стихов, составивших книгу «**Болотная медуза**»: лишь один из ее циклов «**Из топи блат**» вышел отд. изд. (Киев, 1922). Здесь мир предстал в борении природных стихий и человеческого разума («...Плоть медузы облекла / Тяжеловесная порфира»), воплощенных в творениях петербургских зодчих и строителей. Эта борьба исполнена драматизма, особенно остро ощущавшегося в пору создания стихов. Разрешение он получал в порождаемом ими ощущении рукотворной красоты города, поднявшегося на берегах так и не покорившейся «вольнолюбивой» Невы, где «...Кони яростные взвиты / Туда, где полночь и пурга», и Фонтанки, чьи «Мучительные воды / Звериных мускулов сильней». Насыщенность стихов реалиями, почерпнутыми из истории мировой культуры, сообщала

изображаемому поэтом миру устойчивость, прочность. «Тема Петра легла водоразделом между мною и моими недавними соратниками», — отмечал поэт, убежденный теперь в том, что «...Невозможно быть Востоком, / Навеки Запад потеряв», стремясь «к утверждению единства формы и содержания как высочайшей реальности, открывающейся нам в искусстве».

Противоборство созидательного разума и разрушительной стихии оказывалось в центре внимания поэта и в стихах книги **«Патмос»** (1926), в основу которой легло «пифагорейское представление о мире и об орфической природе слова». На острове Патмос Иоанн Богослов услышал от явившегося ему Христа откровение о конце мира. Но для поэта первородные основы бытия оказываются нерушимыми: довременные, не выразимые в слове, они не утрачиваются, и задача поэтического творчества — прорваться к ним, утвердить представление о единстве мира. «Во всей Вселенной истина одна, / И на земле ее раскрыли музы». Эстетические поиски велись Л. на очень широком фронте: Пушкин и французские «проклятые» поэты, Хлебников и Мандельштам, футуризм и акмеизм, натуралистически приземленная и изысканная образность — вот лишь некоторые ориентиры на этом пути. Активная переводческая работа Л. тоже способствовала выявлению и укреплению представлений об общности духовной жизни человечества.

Итоговой для поэта стала книга стихов **«Кротонский полдень»** (1928); подготовленная им к печати книга стихов о Грузии **«Картвельские оды»** (договор на ее издание в Тифлисе был заключен осенью 1935) так и не была издана. В 1933 вышла мемуарная книга Л. **«Полутораглазый стрелец»**, где была воспроизведена история русского футуризма с конца 1911 до начала войны 1914; уникальная благодаря обилию фактического материала, она вместе с тем интересна как попытка осмысления русского лит. авангарда, принадлежащая одному из его бывших участников. Название книги объяснялось самим Л. так: «Навстречу Западу, подпираемые Востоком, в безудержном катаклизме надвигаются залитые ослепительным светом праистории атавистические пласты, диллювиальные ритмы, а впереди, размахивая копьем, мчится в облаке радужной пыли дикий всадник, скифский воин, обернувшись лицом назад и только полглаза скосив на Запад, — полутораглазый стрелец!»

16 окт. 1937 Л. был арестован и осужден на 10 лет без права переписки, что по суще-

ству означало смертный приговор; через год он был расстрелян, реабилитирован посмертно 24 окт. 1957.

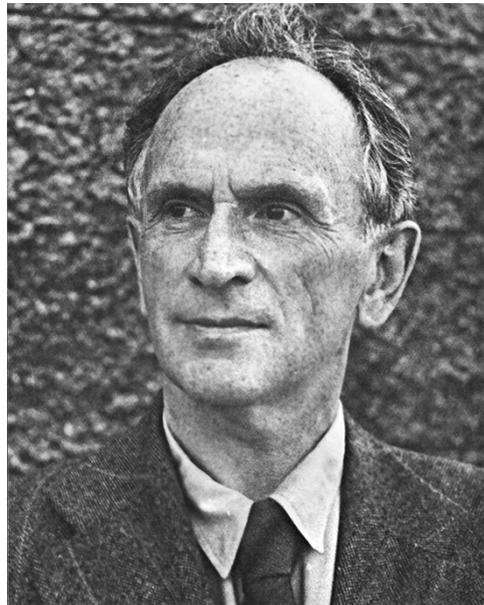
Соч.: Картвельские оды. Тбилиси, 1964; У ночного окна: Стихи зарубежных поэтов в переводах Б. Лившица. М., 1970; Полутораглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания. Л., 1989; Полутораглазый стрелец: Воспоминания. М., 1991.

Лит.: Матюшин М. Русские кубофутуристы // Из истории русского авангарда. Упсала, 1956; Гаспаров М. Петербургский цикл Лившица: Поэтика загадки // Семиотика города и городской культуры: Петербург // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 664. Тарту, 1984; Урбан А. Метафоры оживший материк // Вопр. лит.-ры. 1987. № 12; Мандельштам Н. Вторая книга: Воспоминания. М., 1990; Мордерер В. Б. Б. Лившиц. Игра в слова // М. Кузмин и русская культура XX в. Л., 1990.

**А. С. Карпов**

**ЛИДИН** (настоящая фамилия Гомберг) Владимир Германович [3(15).2.1894, Москва — 27.9.1979, Москва] — прозаик.

Родился в семье служащего. Окончил Лазаревский ин-т восточных языков и юридический ф-т Московского ун-та. Писать начал очень рано. Уже в 1908 в ж. «Весна» были напечатаны его первые рассказы **«Весна»** и **«Житейское»**. Регулярные публикации рассказов Л. начались в 1912 г. в ж. «Путь», «Солнце России», «Новая жизнь», «Мир жен-



**В. Г. Лидин**